

Восприятие культурных различий и межкультурной компетентности российскими студентами с разным уровнем креативности

*М.А. БУЛЬЦЕВА**

* **БУЛЬЦЕВА Мария Александровна** – стажер-исследователь Центра социокультурных исследований Экспертного института Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”, Москва, Армянский пер. 4. E-mail: mbultseva@hse.ru

Многочисленные зарубежные исследования показали, что опыт межкультурных взаимодействий способен стимулировать креативность, в случае, когда человек к нему адаптирован. Индикатором адаптированности к ситуации межкультурных взаимодействий может выступать кросскультурная компетентность. Однако прошлые работы выявили противоречивые отношения компонентов межкультурной компетентности с креативностью. Данное исследование представляет собой качественный анализ восприятия межкультурных различий и межкультурной компетентности у более и менее креативных российских студентов с целью прояснить выявленные ранее паттерны взаимосвязи компонентов межкультурной компетентности с креативностью. Результаты контент-анализа 30 интервью показали, что более и менее креативные российские студенты по-разному воспринимают культурные отличия иностранцев от русских и, соответственно, имеют разные представления о необходимых им межкультурных компетенциях и их основаниях.

Ключевые слова: креативность, межкультурная компетентность, знания, установки, адаптированность поведения, культурные различия, контент-анализ.

DOI: 10.31857/S086904990008515-8

Цитирование: Бульцева М.А. (2020) Восприятие культурных различий и межкультурной компетентности российскими студентами с разным уровнем креативности // *Общественные науки и современность*. 2020. № 1. С. 132–147. DOI: 10.31857/S086904990008515-8

Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ) с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации “5-100”.

Perception of cultural differences and intercultural competence among Russian students with different levels of creativity

Mariya A. BULTSEVA*

* **Mariya A. Bultseva** – trainee researcher of the Centre for Socio-Cultural Research, National Research University “Higher School of Economics”. Address: 4 Armyansky per, Moscow, Russia, 101000. E-mail: mbultseva@hse.ru

Abstract. Numerous foreign studies have shown that intercultural interactions can stimulate creativity when a person is adapted enough to such an experience. Intercultural competence can be seen as an indicator of such adaptation. However, recent studies have shown ambiguous relationship between components of intercultural competence and creativity. This study is a qualitative analysis of the perception of intercultural differences and intercultural competence among creative and non-creative Russian students. The study was conducted in order to clarify the previously identified patterns of the relationship between components of intercultural competence and creativity. The results of a content analysis of 30 interviews showed that creative and non-creative Russian students have different perceptions of the cultural differences existing between foreigners and Russians, and, accordingly, different views on the content of intercultural competence which they need.

Keywords: creativity, intercultural competence, knowledge, attitudes, behavior adaptation, cultural differences, content analysis.

DOI: 10.31857/S086904990008515-8

Citation: Bultseva M. (2020) Perception of cultural differences and intercultural competence among Russian students with different levels of creativity. *Obschestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 132–147. DOI: 10.31857/S086904990008515-8 (In Russ.)

Проблематика социально-психологических последствий межкультурных контактов стала особенно актуальна в последние десятилетия в связи с ростом и распространением процессов глобализации [Chao, Kung, Yao 2015]. Особый интерес вызывают вопросы межкультурного взаимодействия в образовательной среде. Современные университеты становятся площадкой для реализации межкультурных контактов, так как предлагают своим студентам возможности приобретения межкультурного опыта. Мультикультурный опыт охватывает опыт всех прямых и косвенных контактов с представителями или элементами других культур [Leung, Chiu 2008; Aytug, Rua, Brazeal, Almaraz, Gonzalez 2018]. При этом речь идет как о “большом мультикультурном опыте” (“Big M experience”) [Rich 2009] через международные стажировки, проживание за рубежом и включение в новую культуру, так и о “малом мультикультурном опыте” (“Little M experience”) [Rich 2009], ограниченном взаимодействием с представителями других культур или культурными продуктами без непосредственной вовлеченности в чужую культуру.

Говоря о “малом мультикультурном опыте” необходимо отметить, что количество иностранных студентов в России постоянно растет и в абсолютном, и в процентном количестве. При этом около трети всех иностранных студентов обучаются в вузах Москвы и Санкт-Петербурга. Эти же города наиболее популярны для иностранных студентов из культурно далеких от России стран [Громов 2016]. Подобная динамика в целом соответствует целям, реализуемым в рамках государственного проекта 5-100, в соответствии с которыми “экспорт российского образования должен стать национальной задачей” [Проект 5-100]. При этом большинство исследований возникающего культурного разнообразия в образовательной среде направлено на выявление особенностей адаптации иностранных студентов в России [Дорожкин, Мазитова 2007; Кривцова 2011; Беккер, Иванчин 2015;

Попова 2019], построения мультикультурной образовательной среды, преподавания в ней [Мошняга 2017]. Однако особенности межкультурных взаимодействий, адаптации к ним и связанных с этим изменений у принимающего населения часто оказываются не в фокусе внимания исследователей. Кроме того, мультикультурность в основном рассматривается как проблема, как вызов. В то же время мультикультурность может стать ресурсом для развития “компетенций XX века”, к которым в числе прочих относится креативность [Miron-Spektor, Beenen 2015; Фрумин, Добрякова, Баранников, Реморенко 2018].

Среди большого числа рассматриваемых учеными феноменов, подпадающих под влияние межкультурного опыта, особое место занимает креативность, воплощаемая в создании нового и полезного/релевантного продукта (материального или нематериального). Креативность считается одной из ключевых компетенций, которые необходимо развивать на всех уровнях образования, и современные учебные заведения постулируют подобное развитие креативности их учащихся в качестве одной из важнейших целей [КЕА 2009].

Межкультурные контакты способны и позитивно, и негативно сказываться на креативности [Chao, Kung, Yao 2015]. Перед лицом культурного разнообразия люди могут становиться более закрытыми, воспринимать новый опыт и представителей других культур как угрозу, а следовательно, проявлять настороженность и предубеждения по отношению к другим культурам [Chiu, Cheng 2007; Morris, Mok, Mor 2011], что препятствует креативности [Chen, Leung, Yang, Chiu, Li, Cheng 2016]. В то же время у разнообразия есть и позитивные последствия, в том числе в отношении креативности, когда люди справляются с его вызовами и оказываются способны совладать с ним, переступить через свои стереотипы [Crisp, Turner 2011]. А аккультурационный стресс может привести к тому, что люди проигнорируют новую информацию и откажутся от взаимодействий с новой культурой, но при его преодолении включение эффективных межкультурных взаимодействий, соединение противоречивой культурной информации способно дать толчок развитию когнитивной гибкости и креативности.

И хотя в основном в работах по тематике связи межкультурных контактов и креативности акцент делался в основном именно на “большом мультикультурном опыте” [Maddux, Leung, Chiu, Galinsky 2009; Rich 2011], межкультурные взаимодействия могут также иметь прямую связь и с креативностью представителей принимающего населения, например в контексте образовательной среды, российских студентов. С одной стороны, принимающее население обладает более высоким уровнем контроля и власти, которые, как известно, усиливают концентрацию на своей точке зрения и уменьшают влияние на человека новых ситуаций [Galinsky, Magee, Gruenfeld, Whitson, Liljenquist 2008]. С другой стороны, исследование, проведенное недавно на выборке российских студентов показало, что культурная гетерогенность учебной группы связана с более высокими уровнями креативности российских студентов при условии прохождения специального культурного обучения, а сама по себе способна даже понизить креативность [Бульцева 2019]. Это косвенно показывает, что идея о зависимости позитивности влияния межкультурных контактов на креативность от подготовленности тех, кто оказываются в них вовлечен, распространяется и на принимающее население.

Индикатором подготовленности и даже адаптированности может выступать межкультурная (или кросскультурная) компетентность [Spitzberg, Changnon 2009]. Межкультурная компетентность проявляется в способности жить, работать и отдыхать в условиях межкультурных различий, существующих в повседневной жизни [Мацумото 2003], и развивается в процессе межкультурных контактов (особенно в недискриминационной среде) и культурного обучения, в том числе связанного и с изучением иностранных языков [Olson, Kroeger 2001; Klak, Martin 2003; Zhai, Scheer 2004; Barret 2012]. Большая часть исследований опирается примерно на одну и ту же структуру компонентов межкультурной компетентности [Krajewski 2011] и учитывает такие компоненты, как установки, знания

и навыки, способствующие эффективному взаимодействию с представителями других культур [Chiu, Lonner, Matsumoto, Ward 2013].

Исходя из теории, каждый из компонентов межкультурной компетентности должен способствовать креативности. Так, высокий уровень знаний отражает широкий набор сценариев и используемых концептов, что может быть связано с креативностью в соответствии с культурной парадигмой [Leung, Chiu 2010]. Было обнаружено, что распад и изменения в общей структуре знаний о мультикультурном опыте улучшает доступ к знаниям, которые было трудно получить в обычных случаях, а это способствует креативности [Shi, Liu, Ke 2012]. Люди с позитивными установками по отношению к другим культурам и их представителям более открыты новому опыту и меньше подвержены стереотипам [Gallego, Pardos-Prado 2014]. Адаптированность поведения позволяет избегать недопонимания [Anawati, Craig 2006] и предрассудков, благодаря чему культурные различия в процессе обмена информацией становятся более видимыми и принимаются во внимание [Chao 2014], а это тоже должно способствовать креативности.

Однако эмпирические исследования взаимосвязи межкультурной креативности и компетентности выявили противоречивые результаты. Так, одно зарубежное исследование выявило только значимую положительную роль компонента знаний [Yunlu, Clapp-Smith, Shaffer 2017]. В то же время исследование, проведенное на российской выборке, обнаружило, что позитивные установки по отношению к представителям других культур прямо связаны с креативностью российских студентов, в то время как адаптированность поведения в условиях межкультурных взаимодействий имеет с креативностью российских студентов обратную связь, а знания и осведомленность оказались не связаны с креативностью [Бульцева, Лебедева 2018].

Соответственно, важно выяснить причину таких расхождений, в особенности негативной связи адаптированности поведения с креативностью. Возможной причиной того, что вопреки ожиданиям и теоретическим обоснованиям не все компоненты межкультурной компетентности оказались прямо позитивно связаны с креативностью, является условность восприятия межкультурной компетентности и вообще культурных различий. Используемый в прошлых исследованиях инструментарий включал в себя самооценку своих компетенций, поэтому во многом получившиеся результаты могли зависеть от понимания респондентами внутреннего содержания компонентов межкультурной компетентности, их представлений о культурных различиях и того, на ком лежит ответственность за успешность межкультурных взаимодействий. В результате мы не можем точно сказать, отталкивались ли респонденты при оценке своей компетентности от идеи отрицания культурных различий, предполагающей одинаковое “стандартизированное” отношение и поведение по отношению ко всем людям, или от идеи признания и принятия культурных различий и “кастомизации” поведения.

У людей могут быть разные представления о сущности и содержании культурных различий. Кроме того, в разных контекстах люди могут формировать разные представления и о самой межкультурной компетентности. Так, с одной стороны, на факторах признания и принятия культурных различий строятся некоторые модели межкультурной компетентности (например, модель межкультурной сенситивности М. Беннета), показывающей, что ее уровень растет с переходом от этноцентризма к этнорелятивизму, с другой – особое значение в настоящее время приобретают реляционные модели межкультурной компетентности, учитывающие особенности контекста [Spitzberg, Changnon, 2009]. Например, было показано, что сам концепт межкультурной компетентности культурно обусловлен. Культура неизбежно влияет как на развитие межкультурной компетентности [Dai, Chen 2014], так и на формирование представлений, что же под ней понимать. Согласно [Miyahara 1999] и [Chen 2003], изменение поведения в зависимости от ситуации к ситуации может рассматриваться как признак несогласованности или нечестности в западной

культуре, но в китайской культуре его можно оценить и как умелое коммуникативное поведение.

Поэтому цель данного исследования – изучение восприятия культурных различий и факторов успешности межкультурных взаимодействий в университете (как операционализации межкультурной компетентности) более и менее креативными российскими студентами для уточнения и объяснения ранее выявленных паттернов взаимосвязи между креативностью и межкультурной компетентностью. Основное предположение состоит в том, что более и менее креативные российские студенты по-разному воспринимают отличия иностранцев от русских. Соответственно, различаются и их представления о необходимых для них межкультурных компетенциях.

Дизайн исследования

Чтобы выявить, как российские студенты воспринимают культурные различия с иностранцами и каковы компоненты межкультурной компетентности, было принято решение использовать качественный метод анализа, в частности метод структурированных интервью. В исследовании приняли участие 30 респондентов от 19 до 32 лет. Всего были проинтервьюированы 21 женщина и 9 мужчин – все студенты НИУ ВШЭ разных направлений и уровня обучения (18 – бакалавриата, 12 – магистратуры; 10 – изучающих социальные науки, 13 – гуманитарные, 3 – управление и экономику, 4 – естественные науки). Респонденты были отобраны, основываясь на результатах прошлого исследования, посвященного анализу взаимосвязи межкультурного опыта, межкультурной компетентности и креативности, в котором все они принимали участие [Бульцева, Лебедева 2018]. Все 272 респондента прошлого исследования были проранжированы по уровню креативности, и далее были выбраны и проинтервьюированы 15 наиболее креативных респондентов (здесь и далее более креативные) и 15 – наименее креативных респондентов (соответственно, менее креативные), выразивших ранее и затем подтвердивших свое согласие на участие в исследовании. В качестве различий в показателях креативности учитывались: беглость, гибкость и оригинальность даваемых ответов. Эти отличия были значимы между двумя получившимися группами (см. табл.).

Таблица

Сравнение показателей креативности участников интервью

Показатели креативности	Отобранные для интервью респонденты						t-критерий
	Менее креативные			Более креативные			
	Min	Max	Ср. (откл.)	Min	Max	Ср. (откл.)	
Беглость	1	4	3 (1,01)	8	17,33	11,66 (2,84)	-11,1**
Гибкость	1	2,83	1,9 (0,52)	3,83	7,83	5,17 (0,99)	-7,35**
Оригинальность	0	1,33	0,42 (0,44)	2,33	7,66	4,02 (1,7)	-7,93**

Примечание: Min – минимальное значение, Max – максимальное значение, Ср. – среднее значение, откл. – стандартное отклонение, **p < 0,01

Каждый респондент был проинтервьюирован лично с помощью списка вопросов, составленного на основе модели межкультурной компетентности, включающей в себя знания, установки, поведение (адаптированность поведения) и осведомленность, а также несколько вопросов относительно иностранных студентов с целью изучения восприятия респондентами культурных различий. Первый вопрос интервью был общим и касался представлений о том, отличаются ли чем-то иностранные студенты как представители других культур от русских: “Давайте начнем беседу с вопроса об иностранных сту-

дентах в российских вузах. Как вы считаете, иностранные студенты чем-то отличаются от русских; и если да, то чем?”. Далее интервьюируемые отвечали на вопрос о содержании и факторах межкультурной компетентности в целом: “Как вы считаете, что может помочь российским студентам успешно и комфортно жить, общаться, отдыхать, учиться или работать в условиях культурного разнообразия?”. Этот вопрос был задан, исходя из определения межкультурной компетентности и был нацелен на выявление значимых для интервьюируемых компонентов межкультурной компетентности.

Следующие три вопроса касались непосредственно представлений о содержании компонентов межкультурной компетентности, таких как знания (“На ваш взгляд, какой багаж знаний помогает или может помочь российским студентам успешно и комфортно жить, общаться, отдыхать, учиться или работать в условиях культурного разнообразия?”), установки (“Как вы думаете, к чему стоит быть готовым российским студентам, чтобы успешно и комфортно жить, общаться, отдыхать, учиться или работать в условиях культурного разнообразия?”) и адаптированность поведения (“Нужно ли российским студентам как-то изменять свое поведение при общении с иностранцами по сравнению с их обычным поведением? Как вообще российским студентам нужно вести себя при общении с иностранцами, чтобы успешно и комфортно жить, общаться, отдыхать, учиться или работать в условиях культурного разнообразия?”). Эти вопросы были нацелены на выявление содержания, которое российские студенты вкладывают в интересующие нас понятия.

Интервью проводились при личной встрече один на один, длилось в среднем около 10 минут. Полученные ответы были транскрибированы, а затем обрабатывались при помощи контент-анализа. Так как интервью проводилось по конкретному скрипту, то укрупненные темы формировались вокруг тематики вопросов, коды и категории выделялись в соответствии с процедурой проведения контент-анализа [Erlingsson, Brysiewicz 2017] по ответам каждого из респондентов. Далее они анализировались с точки зрения отношения к культурному разнообразию и частоте встречаемости в каждой из групп респондентов. В нашем случае деление проводилось, как было сказано, на более и менее креативных студентов.

Каковы выявленные результаты исследования?

Представляется, что в ходе проведенного анализа удалось установить ряд закономерностей. 1. У двух выделенных групп студентов были обнаружены существенные различия в восприятии иностранцев. Так, большая часть менее креативных студентов (девять из 15) высказали мнение о несущественности или неважности отличий иностранцев от русских. Несколько студентов пояснили свою точку зрения. В числе причин преуменьшения важности культурных различий оказались: общечеловеческая схожесть (“...в целом, они такие же люди, как и мы...”); символичность и формальность культурных особенностей (“У нас... в стране... много национальностей, но все их культурные особенности несутся где-то в своем узком кругу или каких-то развлекательных парках для туристов. Мне кажется, они вообще уже символичными становятся, а в обычной жизни не так и важны...”); схожесть представленных в культурных продуктах идей и чувств (“...это мои мысли после поездок на отдых, зарубежных фильмов и книг, там поднимаются те же темы, что беспокоят и меня, люди живут тем же, такими же переживаниями и идеями...”); представление, что даже если различия и существуют, то в российском университете иностранные студенты в первую очередь подстраиваются (и должны) подстраиваться под российские правила, а не демонстрировать свои различия (“...культурные различия конечно есть но они почти не проявляются в университете, да и на работе, думаю, тоже. Но это и хорошо, различия – это дело сугубо личное, а в университете или на работе в первую очередь нужно хорошо работу делать и с людьми ладить, даже если придется

себя сдерживать. Всегда важнее климат и принятые в группе правила, и иностранцы стараются им следовать (должны)”).

При этом, говоря о замеченных ими различиях, менее креативные студенты указывают, что иностранные студенты отличаются от российских, во-первых, по таким явным признакам, как внешность, язык, поведение в целом. Во-вторых, иностранные студенты оказались у нас в особой ситуации: они испытывают больше трудностей, оказавшись исключенными из привычной для них жизни общества (“...хотя тут и наша ответственность есть, мы часто их игнорируем, вот им и приходится только с иностранцами и общаться...”). В-третьих, отмечают высокую мотивацию, старательность и даже успешность иностранцев (“Не все могут находиться рядом с ними из-за своего отношения к ним и из-за того, что с ними все время чувствуешь себя напряженно, потому что они слишком стараются в учебе и вообще”). Два респондента упоминают также культуру в целом, хотя и считают, что такие различия не стоит принимать во внимание (“Логичнее всего, что с культурой и языком. Но я думаю, что это вообще не важно, они подстраиваются под нас и наши правила”). Однако почти всегда у менее креативных студентов признание различий связано с негативом в отношении к иностранцам, дискомфортом, возможностью конфликтов (“...совсем другие люди, у нас разный менталитет, нормы, поведение, даже манера речи. Не всем это понятно, не всем приятно...”).

В то же время более креативные студенты (по крайней мере значительная их часть) признают существование отличий иностранцев от русских. При этом культурные различия описываются подробнее (“...у каждого народа свои фишечки, свои культурные особенности. Где-то опоздать на полчаса это нормально, а где-то женщина не может быть боссом, потому что она женщина...”), как и психологические особенности (“...с самого начала иностранцы более открытые и толерантные...”). Более креативные студенты делают акцент на высокой мотивации, старательности иностранцев. При этом несколько респондентов отметили позитивное отношение к различиям и их полезность (“А вообще отличия – это интересно...”; “...еще иностранцы зачастую более прогрессивно мыслят, и когда они выдают вдруг какие-то странные идеи, это помогает расширить и наши мысли и представления о мире...”), хотя различия и не всегда очевидны (“...мне кажется, их отличия были бы ярче, если бы поехала учиться в другую страну. Культурные особенности по крайней мере: там бы они следовали своим обычаям. Там они были бы собой...”).

2. При ответе на вопрос об основных факторах и компонентах межкультурной компетентности у более и менее креативных студентов отмечаются лишь различия в восприятии того, что же влияет на успешность или неуспешность в условиях межкультурного разнообразия. Так, более и менее креативные студенты с одинаковой частотой упоминают факторы, внешние как по отношению к русским участникам межкультурных взаимодействий, так и к иностранным участникам. Содержательно менее креативные участники дают более разнообразные ответы, отсылая не только к финансовым мотивам (“...и обеспеченным у нас везде дорога. Хочешь – к репетитору идешь и язык быстро изучаешь, хочешь – в путешествие едешь и там знакомишься с иностранцами, хочешь – на стажировку...”), ситуационным или средовым аспектам (“...легче и комфортнее студентам тех вузов, чье учебное заведение будет удобно расположено. Метро там, библиотека, зона отдыха – все должно быть удобно. То есть места, где студенты не только вместе учатся, но и вместе отдыхают, общаются...”), но и, например, упоминая конкуренцию и отношение окружения к иностранцам (“...бывают плохие условия, когда все конкурируют друг с другом, когда администрации и преподавателям наплевать на состав группы, когда демонстрируют презрительное отношение к тем, кто отличается или плохо учится...”) или недостаток времени, ухудшающие возможную межкультурную коммуникацию.

Примерно с одинаковой частотой более и менее креативные студенты ссылаются на различные виды опыта межкультурных взаимодействий, таких, например, как проживание или обучение в другой стране (“...успешны те, кто сам пожил в другой стране. Это очень сложно, целое испытание. Зато сильно переворачивает все мировоззрение...”), дружеские отношения с иностранцами (“...легче всего тем, у кого есть друзья и связи. Даже если вокруг куча иностранцев, но ты ладишь хотя бы с кем-то из них, это поможет... ну не знаю, вписаться что ли...”), общение и совместные проекты (“...студентам вышки тут проще, университет как бы навязывает это общение, но в доброжелательной манере – общие задания, студенческие организации по интересам, там и пересекаешься...”) и т.д.

О необходимости знания иностранных языков, по крайней мере английского, также говорит примерно равная доля среди более и менее креативных студентов. Однако менее креативные студенты несколько чаще (10 менее креативных респондентов против шести более креативных) упоминают важность черт личности, особенностей поведения или навыков и компетенций, не специфических для ситуации межкультурных взаимодействий. К таким “общим” факторам относятся, например, коммуникативные навыки в целом, широкий кругозор, общительность, вежливость (“...знание английского языка, общительность и открытость, умение контактировать с окружающими”) и быть “...открытым новому, знающим английский. Еще широкий кругозор и тактичность необходимые условия...”) и другие.

Наконец, более креативные студенты (восемь против одного) значительно чаще говорят о важности специфических для ситуации межкультурных взаимодействий факторов, таких как толерантность, отношение к культурному разнообразию и глобализации (“...Нужно еще быть высококультурным человеком. И это не только про вежливость. Сейчас нужно ориентироваться в ситуации, понимать, что от глобализации не скряться. И что от нее много пользы всем, если правильно использовать новые возможности...”), а также знание и понимание других культур и менталитетов (“...главное – ресурсы информационные: понимание языка и менталитета...” и “...у кого много знаний о других культурах...”).

3. Представления о необходимых знаниях, которые обеспечивают успех и комфорт при межкультурных взаимодействиях, у более и менее креативных студентов также частично различаются. С одной стороны, лишь очень небольшое количество интервьюируемых из обеих групп сказали о неважности знаний в целом или конкретных типов знаний для успеха и комфортной жизни в условиях межкультурных различий. По их мнению, особенности поведения и позитивные установки важнее и полезнее знаний (“...на мой взгляд, знания играют не главную роль, если ты общителен и открыт, способен воспринимать и понимать новые знания и готов учиться...”). Однако при этом само содержание предполагаемых моделей поведения отличалось. Так, менее креативные студенты в основном делали акцент на относительно универсальных паттернах поведения и проявлениях черт личности – общительности и инициативности (“...но тут важнее не знания, а терпеливый характер позволяет нормально общаться вообще со всеми...”). А более креативные студенты отмечали важность поиска общего (“...они сближают вне зависимости от культуры, как и какие-то общие хобби или сходства в целом, помогают говорить на одном языке...”), толерантность и демонстрацию уважения к культурам (“...критична только ознакомленность с обычаями других наций... относиться толерантно и уважительно. Даже язык не так важен, сейчас многие учат русский, да и английского в вышке нулевого быть просто не может...”). То есть усиливаются тенденции, более специфические именно для ситуации межкультурного взаимодействия.

Более половины респондентов в обеих группах отметили важность знания одного или нескольких иностранных языков и необходимость обладания общими, неспецифическими для межкультурных взаимодействий знаниями и навыками, такими как общий

кругозор (“...широкий кругозор и культура поведения...”), коммуникативные навыки (“...еще надо знать, как находить подход к разным людям. Ну или, скорее, уметь...”), наличие хобби, профессиональных и учебных знаний (“...плюсом будет прекрасное образование, нужно хотя бы в одной сфере быть профессионалом...”) и “...еще я думаю, нужно хорошо разбираться в деле, которым занимаешься...”). При этом более креативные студенты чаще (10 против четырех) считают важным обладать знаниями, специфическими для ситуации межкультурных взаимодействий, такими, как знания о характерах, особенностях разных стран и условиях проживания в них (“...хотя бы мизерные познания о других странах, как там живут, какая там культура, чтобы было от чего отталкиваться...”), знания о традициях и обычаях (“...надо знать о менталитете людей из разных стран, об их обычаях, традициях. Например, праздники и нерабочие дни выпадают на разные дни календаря, потому что традиционные праздники другие...”), знания о характерных особенностях иностранцев в восприятии ситуации, общении, поведении (“...кроме того... стремиться понять мотивацию поведения, привычки иностранных студентов...”). Репертуар ответов более креативных студентов включает при этом больше деталей и примеров.

4. Говоря об установках, стоит отметить, что у более и менее креативных студентов основной акцент делается на их поведенческом компоненте. При этом содержание поведенческих моделей в целом у тех и других сходно: важно быть готовым к общению (“...я бы сказал к общению и совместной работе. Иначе вообще вместе учиться не получится, сейчас же каждое второе задание – групповое...”), быть инициативным и готовым помогать иностранцам (“...иностранцы приехали в нашу страну, и им часто приходится трудно и в учебе и в жизни, в общежитии или в учебном офисе все понять. Мы, конечно, должны им помочь, даже сами предлагать помощь и начинать разговор...”), вести себя толерантно и терпеливо (“...придется быть терпеливым и терпимым...”). Однако менее креативные студенты в отличие от более креативных также указывают на важность контроля эмоций (“...с иностранцами неожиданностей больше, чем с русскими, нужно хорошо владеть собой, чтобы не выйти из себя и разрулить все непонятки...”) и “...могут возникнуть трудности в общении. Может вообще все наперекосяк пойти... Главное не эмоционировать в таком случае...”).

Обоснования того, почему стоит вести себя определенным образом у двух групп также различаются. Менее креативные студенты чаще апеллируют к угрозам и вызовам (“...к такому не подготовишься, слишком много дополнительных переменных. Может страдать качество образования из-за того, что будем меньше успевать, в силу проблем с языком иностранцы не все понимают с первого раза...”) и “...из-за наших различий могут случаться всякие неприятные моменты, ситуации – это лучше понимать заранее, чтобы не испытать неприятное удивление. И чтобы помягче вести себя в разговоре, не провоцировать конфликты...”); к негативным эмоциям, связанным с межкультурными взаимодействиями (“...придется постоянно учиться, и что-то будет постоянно удивлять. Иногда неприятно, но это не потому, что другие традиции плохие, просто у нас принято по-другому. Это неприятие придется задушить”). А более креативные студенты упоминают также выгоды и позитивные эмоции (“...так и им можно помочь, и себе хорошего друга завести – всем польза...”, “...стереотипы и шаблоны могут сильно помешать. Но это даже хорошо, можно много нового узнать и расположить к себе людей...”; “...сейчас очень актуально иметь какие-то особые умения для работы совместной с иностранцами, для любого резюме в плюс...”).

5. Анализируя представления об особенностях поведения российских студентов в ситуации межкультурных взаимодействий, необходимо отметить, что только около половины интервьюируемых соглашались с тем, что поведение вообще необходимо как-то изменять. Часть более и менее креативных студентов прямо указывала на то, что в России изме-

нять свое поведение должны только иностранцы (“... нет, не нужно, в России они должны подстраиваться под нас. А вот если я буду за рубежом – буду уже я под них...”). Другие же апеллировали к необходимости обеспечения всеобщего равенства (“...не должны. У всех равные права. По крайней мере до тех пор, пока это не нарушает чьи-то еще права...” или “...главное – человека как личность уважать, откуда бы он ни приехал... Это норма человеческого общества, основообразующая”).

И более, и менее креативные студенты чаще всего говорили об изменениях, когда признавали их необходимость скорее общего характера (не связанных с культурными различиями или непосредственно межкультурными взаимодействиями), таких, например, как быть более внимательным, не отказывать в помощи (“...даже если иностранные студенты ведут себя вызывающе, раздражают своим поведением, нам нужно присмотреться к ним, постараться выяснить причину, возможно, помочь им...”), вести себя тактичнее и вежливее и т.п. (“...для начала тщательно выполнять общественные правила”).

Важно, что на эти же общие паттерны поведения ссылались и те студенты, которые считали, что поведение менять не нужно. То есть, по их мнению, российские студенты в целом ведут себя внимательно, вежливо, дружелюбно (“...поведение нашим студентам менять не нужно. Наше поведение нисколько не мешает налаживать контакты, чтобы спокойно общаться и работать. Надо понимать, что обычное – это в рамках рабочих или дружеских отношений, деловая этика и взаимопомощь – это не что-то из ряда вон...”). Подобные общие поведенческие паттерны рассматриваются ими как универсальная и уже реализуемая на практике норма.

Однако были обнаружены и различия в представлениях более и менее креативных студентов о необходимых паттернах поведения. Во-первых, менее креативные студенты в отличие от более креативных делают больший акцент на рефлексии относительно собственного поведения и необходимости контролировать свои эмоции (“...подумать лишний раз, отрефлексировать свое поведение и чужое...” и “...к этому нужно относиться спокойно, с юмором, без излишних эмоций...”). Во-вторых, менее креативные студенты в целом несколько чаще говорят о специфических паттернах поведения, связанных с культурными различиями или непосредственно межкультурными взаимодействиями, таких как, например, избегание дискриминации при признании различий (“...будет странно, если мы будем по-разному общаться с русскими и иностранцами. Это почти дискриминация, только непонятно, их или русских. Со всеми надо быть добрыми и вежливыми...” и “...а то еще и пожаловаться в учебный офис могут, что их дискриминируют...”) или намеренная демонстрация интереса к культурам иностранцев (“...надо быть осмотрительнее, и вообще лучше больше об их культурах говорить и проявлять к ним интерес. Это тоже смена поведения, с русскими студентами я, например, совсем не говорю о традициях, для нас это все обычно и знакомо. Хотя с иностранцами о русской вообще-то тоже немного, вдруг они не поймут, будут потом нас чудиками какими-то считать...”).

При этом, если обратиться к содержанию категорий, можно заметить, что специфические паттерны поведения менее креативных студентов отражают не только учет культурных различий и интереса к ним, но и обеспокоенность возможными угрозами, тем, какой сложится имидж России и российских студентов в глазах иностранцев (“И нельзя быть такими беспечными, как с русскими, шутечки всякие дурацкие или непроверенная информация, когда мы на иностранцев их сливаем, портят наш имидж. Не надо так много жаловаться на свою страну и правила, они могут не так понять”), а также опасение потерять свою культуру и индивидуальность (“...надо еще оставаться собой, чтобы не терять своей индивидуальности и русской сути, фанатизм в любви к чужим странам – тоже не есть хорошо, часто за ним не стоит ничего, кроме стереотипов...”).

Некоторые более креативные студенты, в свою очередь, обращались к позиции власти (“...они – наши гости, и необходимо вести себя гостеприимно и подобающе, с достоинством и теплотой...”), к выгодам от межкультурных взаимодействий (“...это ведь нужно и нам тоже чтобы развиваться – укрепить знание иностранного языка, привыкнуть жить в мире с разной культурой, чувствовать себя свободно в общении с людьми из других стран...”).

Что дало проведенное исследование

Результаты проведенного качественного исследования показали, что у более и менее креативных российских студентов представления о содержании межкультурной компетентности различаются в отношении необходимости культурно-специфических знаний и навыков, позитивности установок. По крайней мере частично эти различия пересекаются с отрицанием или принятием важности отличий иностранцев от русских.

Так, различия относительно психологических характеристик, паттернов поведения или культурных особенностей были озвучены четырнадцатью респондентами из тридцати (шесть среди менее креативных студентов и восемь среди более креативных студентов), однако только восемь из них (и подавляющее большинство, шесть респондентов – более креативные студенты) не высказали прямо своего негативного отношения к этим различиям. То есть можно заключить, что большая часть студентов исходит все-таки из идеи отрицания или неприятия различий. Это соответствует результатам более раннего исследования, показавшего, что значительная часть российских студентов отвергает существование межкультурных различий или воспринимает их негативно. Более того, в соответствии с результатами данного качественного исследования студенты, не только признающие важность различий, но и принимающие их (или хотя бы не рассматривающие их как угрозу), будут скорее креативными. Этот результат соответствует выводам работы [Terwilleger, Bach, Bryan, Adams 2013] о том, что идеология дальтонизма как отношение к разнообразию не приводит к культурному обучению, за счет которого, согласно теории, и должна повышаться креативность.

Если обратиться к содержанию факторов, значимых для успешности жизнедеятельности в условиях культурного разнообразия, то с точки зрения теоретических компонентных моделей межкультурной компетентности, в целом имеет смысл говорить о том, что более и менее креативные студенты примерно одинаково часто упоминают внешние факторы и прошлый опыт. Однако более креативные студенты упоминают компоненты знаний, в том числе культурно-специфических, установок и навыков (адаптированного поведения); а менее креативные почти не говорят о культурно-специфических знаниях, но также обращают внимание на поведенческие паттерны и установки, хотя чаще исходят из идеи преодоления негативных установок.

Так, признание важности культурно-специфических знаний свойственно, скорее, более креативным студентам. Если же учесть разделение респондентов на тех, кто отрицают важность культурных различий, и тех, кто признают их, окажется, что среди более креативных студентов восемь из десяти, указывавших на важность культурно-специфических знаний и умений, также являются теми, кто признают важность различий. В то же время среди менее креативных студентов такой тенденции выявлено не было, что, по-моему, связано в первую очередь с негативностью восприятия различий.

Обращаясь к компоненту установок, косвенно характеризующему это восприятие, стоит заметить, что в целом и более, и менее креативные студенты имеют сходные по содержанию представления о важности позитивных установок в отношении иностранных студентов, которые они описывают как готовность к общению, совместной работе и помощи иностранцам. Однако сходства касаются главным образом именно нейтрального

поведенческого аспекта установок, в то время как их аффективное содержание несколько отличается. Если учесть разделение на тех, кто отрицают важность различий, и тех, кто признают их, окажется, что менее креативные студенты, признающие значимость различий, базируют свои установки на идеях возможности столкнуться с негативными эмоциями, о необходимости быть готовыми контролировать и отслеживать свои эмоции и поведение, об опасении угроз при взаимодействии с иностранными студентами. Таким образом, признание существования или важности различий позитивно для развития межкультурной компетентности и креативности только в тех случаях, когда оно сопровождается позитивным восприятием этих различий и разнообразия в целом.

Наконец, можно сделать вывод о том, что у более и менее креативных российских студентов преобладают представления о том, что с иностранными студентами необходимо придерживаться неких универсальных норм поведения, включающих в себя вежливость, тактичность, дружелюбие, акцент на равенстве и готовности помогать. При этом практически никто не отмечает, что нормы вежливости в разных культурах могут отличаться, то есть, вероятнее всего, они исходят из принятых в России правил поведения и деловой этики. Более того, даже говоря об одной и той же модели поведения, часть студентов утверждает, что необходимо изменяться и следовать ей в большей степени при общении с иностранцами. Другие же студенты говорят о том, что эти паттерны поведения уже используются как общероссийская норма, а значит, нет необходимости в изменении и усилении таких тенденций в поведении. Учитывая разделение респондентов на тех, кто отрицают важность отличий, и тех, кто признают их, необходимо отметить, что признание важности различий у менее креативных студентов сопровождается поведенческими паттернами, связанными с избеганием угроз, негативных эмоций и конфликтов.

Возможно, именно эти результаты (тенденция отрицания важности и существенности различий, обеспокоенность конкуренцией и потенциальными угрозами от культурного разнообразия, интеракционный эффект признания существенности различий и отношения к ним как к индикатору культурно-специфических знаний, роль установок и выстраивания поведения, в основном исходя из идей равенства общих стандартов) объясняют позитивную связь установок с креативностью и отсутствие связи между знаниями и креативностью. Это мы выявили в одном из прошлых исследований [Бульцева, Лебедева 2018].

Заключая, стоит отметить: при оценке межкультурной компетентности в целом и ее взаимосвязи с креативностью, в частности, необходимо учитывать как содержание компонентов межкультурной компетентности, так и восприятие существующих различий. Результаты данного исследования отражают необходимость разработки комплексной модели и инструментария измерения межкультурной компетентности, которая позволит сделать шаг вперед по сравнению как с композиционным, так и эволюционным подходом к изучению межкультурной компетентности [Spitzberg, Changnon 2009].

Таким образом, полученные результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях процессов межкультурных контактов, выявлении пониманий межкультурной компетентности у групп принимающего населения и мигрантов в разных социокультурных контекстах. Они будут полезны и в ходе практической работы с иностранцами и представителями принимающего населения, в частности при разработке различного рода тренингов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беккер И.Л., Иванчин С.А. (2015) Проблемы адаптации иностранных студентов к образовательному процессу российского вуза (на примере Пензенского государственного университета) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. № 36 (4). С. 247–256.

Бульцева М.А. (2019) Взаимосвязь аккультурационных установок с креативностью российских студентов в условиях интернационализации высшего образования // Междисциплинарный подход в исследовании современных этнических проблем: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием “XI Санкт-Петербургские социологические чтения” (Санкт-Петербург, 18–20 апреля 2019 года). Новосибирск: Типография Продвижение. С. 185–186.

Бульцева М. А., Лебедева Н. М. (2018) Взаимосвязь межкультурной компетентности и креативности у российских студентов // Общественные науки и современность. № 6. С. 31–44.

Громов А.Д. (2016) Академическая мобильность иностранных студентов в России // Факты образования. Вып. 7. С. 1–13.

Дорожкин Ю.Н., Мазитова Л.Т. (2007) Проблемы социальной адаптации иностранных студентов // Социологические исследования. № 3. С. 73–77.

Кривцова И.О. (2011) Социокультурная адаптация иностранных студентов к образовательной среде российского вуза (на примере Воронежской государственной медицинской академии им. Н.Н. Бурденко) // Фундаментальные исследования. № 8 (2). С. 84–88.

Мацумото Д. (2003) Психология и культура. СПб.: Питер. Серия: Мастера психологии.

Мошняга Е.В. (2017) К вопросу о формировании мультикультурного образовательного пространства в вузе // Вестник РМАТ. № 1. С. 70–75.

Попова О.В. (2019) Адаптация иностранных студентов к образовательной среде российского вуза // Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием “Проблемы и социальная адаптация молодежи” (Ростов-на-Дону, 26.04.2019). С. 140–142.

Проект 5-100. (2018) Россия включается в конкуренцию за иностранных студентов (<https://www.5top100.ru/news/93717/>).

Фруммин И.Д., Добрякова М.С., Баранников К.А., Реморенко И.М. (2018) Универсальные компетентности и новая грамотность: чему учить сегодня для успеха завтра // Серия Современная аналитика образования. № 2 (19). С. 4–25. (https://ioe.hse.ru/data/2018/07/12/1151646087/2_19.pdf).

Anawati D., Craig A. (2006) Behavioral adaptation within cross-cultural virtual teams // IEEE Transactions on Professional Communication. No. 1. Pp. 44–56.

Ayug Z.G., Rua T., Brazeal D.V., Almaraz J.A., González C.B. (2018) A Socio-cultural approach to multicultural experience: Why interactions matter for creative thinking but exposures don't // International Journal of Intercultural Relations. No. 64. Pp. 29–42.

Barrett M. (2012) Intercultural competence // EWC Statement Series. Oslo, Norway: European Wergeland Centre. No. 2. Pp. 23–27.

Batey M. (2012) The measurement of creativity: From definitional consensus to the introduction of a new heuristic framework // Creativity Research Journal. No. 1. Pp. 55–65.

Chao M. M., Kung F. Y., Yao D. J. (2015) Understanding the divergent effects of multicultural exposure. // International Journal of Intercultural Relations. No 47. Pp. 78–88.

Chao T.M. (2014) Knowledge sharing in intercultural teamwork. What factors can influence knowledge sharing process in intercultural team work? The case of Finnish and Vietnamese team (<https://www.theseus.fi/bitstream/handle/10024/79373/Thesis%20%20FINAL.pdf?sequence=1>).

Chen H. (2003) The research in behavioral psychology of foreign students' sociocultural adaptation in China // Journal of Beijing Normal University (Social Sciences). No. 6. Pp. 135–142.

Chen X., Leung A.K.Y., Yang D.Y.J., Chiu C.Y., Li Z.Q., Cheng S.Y. (2016) Cultural threats in culturally mixed encounters hamper creative performance for individuals with lower openness to experience // Journal of Cross-Cultural Psychology. No. 47(10). Pp. 1321–1334.

Chiu C.Y., Cheng S.Y. (2007) Toward a social psychology of culture and globalization: Some social cognitive consequences of activating two cultures simultaneously // Social and Personality Psychology Compass. No. 1(1). Pp. 84–100.

Chiu C.Y., Lonner W.J., Matsumoto D., Ward C. (2013). Cross-cultural competence: Theory, research, and application // Journal of Cross-Cultural Psychology. No. 44 (6). Pp. 843–848.

- Crisp R.J., Turner R.N. (2011) Cognitive adaptation to the experience of social and cultural diversity // *Psychological Bulletin*. No. 137(2). Pp. 242–266.
- Dai X., Chen G.M. (2014) *Intercultural communication competence: Conceptualization and its development in cultural contexts and interactions*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing.
- Erlingsson C., Brysiewicz P. (2017) A hands-on guide to doing content analysis // *African Journal of Emergency Medicine*. No. 7(3). Pp. 93–99.
- Galinsky A.D., Magee J.C., Gruenfeld D.H., Whitson J.A., Liljenquist K.A. (2008) Power reduces the press of the situation: implications for creativity, conformity, and dissonance // *Journal of Personality and Social Psychology*. No. 95 (6). Pp. 1450–1466.
- Gallego A., Pardos-Prado S. (2014) The big five personality traits and attitudes towards immigrants // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. No. 40(1). Pp. 79–99.
- KEA European Affairs (2009) *The impact of culture on creativity. A Study prepared for the European Commission (Directorate-General for Education and Culture)* (<http://www.keanet.eu/docs/impactculturecreativityfull.pdf>).
- Klak T., Martin P. (2003) Do university-sponsored international cultural events help students to appreciate “difference”? // *International Journal of Intercultural Relations*. No. 27(4). Pp. 445–465.
- Krajewski S. (2011) Developing intercultural competence in multilingual and multicultural student groups // *Journal of Research in International Education*. No. 10(2). Pp. 137–153.
- Leung A.K., Chiu C.-Y. (2008) Interactive Effects of Multicultural Experiences and Openness to Experience on Creativity // *Creativity Research Journal*. No. 20. Pp. 376–382.
- Leung A.K., Chiu C.-Y. (2010) Multicultural experience, idea receptiveness, and creativity // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. No. 5–6. Pp. 723–741.
- Leung A.K., Maddux W.W., Galinsky A.D., Chiu C.-Y. (2008) Multicultural experience enhances creativity: The when and how // *American Psychologist*. No. 3. Pp. 169–181.
- Maddux W.W., Leung A.K.Y., Chiu C.Y., Galinsky A.D. (2009) Toward a more complete understanding of the link between multicultural experience and creativity // *American Psychologist*. No. 64(2). Pp.156–158.
- Miron-Spektor E., Beenen G. (2015) Motivating creativity: The effects of sequential and simultaneous learning and performance achievement goals on product novelty and usefulness // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. No. 127. Pp. 53–65.
- Miyahara A. (1999) Examining cultural boundaries in the communication studies: The case of Japanese interpersonal communication competence // *Keio Communication Review*. No. 21. Pp. 23–35.
- Morris M.W., Mok A., Mor S. (2011) Cultural identity threat: The role of cultural identifications in moderating closure responses to foreign cultural inflow // *Journal of Social Issues*. No. 67(4). Pp. 760–773.
- Olson L.C., Kroeger K.R. (2001) Global competency and intercultural sensitivity // *Journal of Studies in International Education*. No. 5(2). Pp. 116–37.
- Rich G.J. (2009) Big C, little c, Big M, little m // *American Psychologist*. No. 64. Pp. 155–156.
- Shi D., Liu L., Ke Y. (2012) The influence of multicultural experience on creative problem solving // *China Sci. Educ. Innov. Guide*. No. 29. Pp. 16–18.
- Spitzberg B.H., Changnon G. (2009) Conceptualizing intercultural competence // *The SAGE Handbook of Intercultural Competence* / Ed. by D.K. Deardorff Thousand Oaks, CA: Sage. Pp. 2–52.
- Terwilliger J.M., Bach N., Bryan C., Williams M.T. (2013) Multicultural versus colorblind ideology: Implications for mental health and counseling // *Psychology research progress. Psychology of counseling*. Nova Biomedical Books. Pp. 97–108.
- Yunlu D.G., Clapp-Smith R., Shaffer M. (2017) Understanding the Role of Cultural Intelligence in Individual Creativity. // *Creativity Research Journal*. No. 3. Pp. 236–243.
- Zhai L., Scheer S.D. (2004) Global perspectives and attitudes toward cultural diversity among summer agriculture students at the Ohio State University // *Journal of Agricultural Education*. No. 45(2). Pp. 39–51.

REFERENCES

- Anawati D., Craig A. (2006) Behavioral adaptation within cross-cultural virtual teams. *IEEE transactions on professional communication*, no. 1. pp. 44–56.
- Aytug Z.G., Rua T., Brazeal D.V., Almaraz J.A., González C.B. (2018) A Socio-cultural approach to multicultural experience: Why interactions matter for creative thinking but exposures don't. *International Journal of Intercultural Relations*, no. 64, pp. 29–42.

Barrett M. (2012) Intercultural competence. *EWC Statement Series, Oslo, Norway: European Wergeland Centre*, no. 2, pp. 23–27.

Batey M. (2012) The measurement of creativity: From definitional consensus to the introduction of a new heuristic framework. *Creativity Research Journal*, no. 1, pp. 55–65.

Bekker I.L., Ivanchin S.A. (2015) Problemy adaptatsii inostrannykh studentov k obrazovatel'nomu protsessu rossiyskogo vuza (na primere Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta). [Problems of adaptation of foreign students to the educational process of a Russian university (on the example of Penza State University)] *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnyye nauki*, no. 36 (4), pp. 247–256.

Bultseva M.A. (2019) Vzaimosvyaz' akkul'turatsionnykh ustanovok s kreativnost'y u rossiyskikh studentov v usloviyakh internatsionalizatsii vysshego obrazovaniya. [The relationship of acculturation expectations and creativity of Russian students in internationalized higher education settings.]. *Mezhdistsiplinarnyy podkhod v issledovanii sovremennykh etnicheskikh problem: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem "XI Sankt-Peterburgskiy sotsiologicheskoye chteniya" (St.Petersburg, 18–20 aprelya 2019 goda)*. [An interdisciplinary approach to the study of contemporary ethnic problems: materials of the All-Russian Scientific Conference with international participation XI St. Petersburg Sociological Readings (St. Petersburg, April 18–20, 2019)]. Novosibirsk: Tipografiya Prodvizheniye, pp. 185–186.

Bultseva M.A., Lebedeva N.M. (2018) Vzaimosvyaz' mezhekul'turnoy kompetentnosti i kreativnosti u rossiyskikh studentov. [The relationship of intercultural competence and creativity among Russian students] *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 31–44.

Chao M.M., Kung F.Y., Yao D.J. (2015) Understanding the divergent effects of multicultural exposure. *International Journal of Intercultural Relations*, no. 47, pp. 78–88.

Chao T.M. (2014) *Knowledge sharing in intercultural teamwork. What factors can influence knowledge sharing process in intercultural team work? The case of Finnish and Vietnamese team* (<https://www.theseus.fi/bitstream/handle/10024/79373/Thesis%20%20FINAL.pdf?sequence=1>).

Chen H. (2003) The research in behavioral psychology of foreign students' sociocultural adaptation in China. *Journal of Beijing Normal University (Social Sciences)*, no. 6, pp. 135–142.

Chen X., Leung A.K.Y., Yang D.Y.J., Chiu C.Y., Li Z.Q., Cheng S.Y. (2016) Cultural threats in culturally mixed encounters hamper creative performance for individuals with lower openness to experience. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, no. 47(10), pp. 1321–1334.

Chiu C.Y., Cheng S.Y. (2007) Toward a social psychology of culture and globalization: Some social cognitive consequences of activating two cultures simultaneously. *Social and Personality Psychology Compass*, no. 1(1), pp. 84–100.

Chiu C.Y., Lonner W.J., Matsumoto D., Ward C. (2013) Cross-cultural competence: Theory, research, and application. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, no. 44 (6), pp. 843–848.

Crisp R.J., Turner R.N. (2011) Cognitive adaptation to the experience of social and cultural diversity. *Psychological Bulletin*, no. 137(2), pp. 242–266.

Dai X., Chen G.M. (2014). *Intercultural communication competence: Conceptualization and its development in cultural contexts and interactions*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing.

Dorozhkin Yu.N., Mazitova L.T. (2007) Problemy sotsial'noy adaptatsii inostrannykh studentov. [Problems of social adaptation of foreign students]. *Sotsiologicheskoye issledovaniya*, no. 3, pp. 73–77.

Erlingsson C., Brysiewicz P. (2017) A hands-on guide to doing content analysis. *African Journal of Emergency Medicine*, no. 7(3), pp. 93–99.

Frumin I.D., Dobryakova, M.S., Barannikov, K.A., Remorenko I.M. (2018). Universal'nyye kompetentnosti i novaya gramotnost': chemu uchit' segodnya dlya uspekha zavtra. [Universal competencies and new literacy: what to teach today for tomorrow's success]. *Seriya Sovremennaya analitika obrazovaniya*, no. 2 (19), pp. 4–25 (https://ioe.hse.ru/data/2018/07/12/1151646087/2_19.pdf)

Galinsky A.D., Magee J.C., Gruenfeld D.H., Whitson J.A., Liljenquist K.A. (2008) Power reduces the press of the situation: implications for creativity, conformity, and dissonance. *Journal of Personality and Social Psychology*, no. 95 (6), pp. 1450–1466.

Gallego A., Pardos-Prado S. (2014) The big five personality traits and attitudes towards immigrants. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, no. 40(1), pp. 79–99.

Gromov A.D. (2016) Akademicheskaya mobil'nost' inostrannykh studentov v Rossii. [Academic mobility of foreign students in Russia]. *Fakty obrazovaniya*, no. 7, pp. 1–13.

KEA European Affairs (2009) The impact of culture on creativity. A Study prepared for the European Commission (Directorate-General for Education and Culture) (<http://www.keanet.eu/docs/impactculturecreativityfull.pdf>).

Klak T., Martin P. (2003) Do university-sponsored international cultural events help students to appreciate “difference”? *International Journal of Intercultural Relations*, no. 27(4), pp. 445–465.

Krajewski S. (2011) Developing intercultural competence in multilingual and multicultural student groups. *Journal of Research in International Education*, no. 10(2), pp. 137–153.

Krivtsova I. O. (2011) Sotsiokul'turnaya adaptatsiya inostrannykh studentov k obrazovatel'noy srede rossiyskogo vuza (na primere Voronezhskoy gosudarstvennoy meditsinskoy akademii im. NN Burdenko). [Sociocultural adaptation of foreign students to the educational environment of a Russian university (on the example of the Voronezh State Medical Academy named after NN Burdenko)] *Fundamental'nyye issledovaniya*, no. 8 (2), pp. 84–88.

Leung A.K., Chiu C.-Y. (2008) Interactive Effects of Multicultural Experiences and Openness to Experience on Creativity. *Creativity Research Journal*, no. 20, pp. 376–382.

Leung A.K., Chiu C.-Y. (2010) Multicultural experience, idea receptiveness, and creativity. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, no. 5–6, pp. 723–741.

Leung A.K., Maddux W.W., Galinsky A.D., Chiu C.-Y. (2008) Multicultural experience enhances creativity: The when and how. *American Psychologist*, no. 3, pp. 169–181.

Maddux W.W., Leung A.K.Y., Chiu C.Y., Galinsky A.D. (2009) Toward a more complete understanding of the link between multicultural experience and creativity. *American Psychologist*, no. 64(2), pp.156–158.

Matsumoto D. (2003). *Psikhologiya i kul'tura. [Psychology and culture]* St. Petersburg: Piter, 1-ye izdaniye, Seriya: Mastera psikhologii.

Miron-Spektor E., Beenen G. (2015) Motivating creativity: The effects of sequential and simultaneous learning and performance achievement goals on product novelty and usefulness. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, no. 127, pp. 53–65.

Miyahara A. (1999) Examining cultural boundaries in the communication studies: The case of Japanese interpersonal communication competence. *Keio Communication Review*, no. 21, pp. 23–35.

Morris M.W., Mok A., Mor S. (2011) Cultural identity threat: The role of cultural identifications in moderating closure responses to foreign cultural inflow. *Journal of Social Issues*, no. 67(4), pp. 760–773.

Moshnyaga Ye.V. (2017) K voprosu o formirovanii mul'tikul'turnogo obrazovatel'nogo prostranstva v vuze. [To the question of the formation of a multicultural educational space in a university]. *Vestnik RMAT*, no. 1, pp. 70–75.

Olson L.C., Kroeger K.R. (2001) Global competency and intercultural sensitivity. *Journal of studies in international education*, no. 5 (2), pp. 116–37.

Popova O.V. (2019) Adaptatsiya inostrannykh studentov k obrazovatel'noy srede rossiyskogo vuza. [Adaptation of foreign students to the educational environment of a Russian university]. *Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem “Problemy i sotsial'naya adaptatsiya molodezhi”* [Materials of the All-Russian scientific-practical conference with international participation Problems and social adaptation of youth]. Rostov-na-Donu, 26.04.2019, pp. 40–142.

Proyekt 5-100 (2018) Rossiya vlyuchayetsya v konkurenciyu za inostrannykh studentov [Russia joins the competition for foreign students] (<https://www.5top100.ru/news/93717/>).

Rich G.J. (2009) Big C, little c, Big M, little m. *American Psychologist*, no. 64, pp. 155–156.

Shi D., Liu L., Ke Y. (2012) The influence of multicultural experience on creative problem solving. *China Sci. Educ. Innov. Guide*, no. 29, pp. 16–18.

Spitzberg B.H., Changnon G. (2009) Conceptualizing intercultural competence. *The SAGE Handbook of Intercultural Competence* / Ed. by D.K. Deardorff, Thousand Oaks, CA: Sage, pp. 2–52

Terwilliger J.M., Bach N., Bryan C., Williams M.T. (2013) Multicultural versus colorblind ideology: Implications for mental health and counseling. *Psychology research progress. Psychology of counseling. Nova Biomedical Books*, pp. 97–108.

Yunlu D.G., Clapp-Smith R., Shaffer M. (2017) Understanding the Role of Cultural Intelligence in Individual Creativity. *Creativity Research Journal*, no. 3, pp. 236–243.

Zhai L., Scheer S.D. (2004) Global perspectives and attitudes toward cultural diversity among summer agriculture students at the Ohio State University. *Journal of Agricultural Education*, no. 45(2), pp. 39–51.